

Говард Филлипс Лавкрафт

Ужас Данвича

<http://www.bestlibrary.ru>

Аннотация

Отшельники: Старик Уотли и его жена, заключают ужасный союз с Дьяволом. И через некоторое время у них рождается сын, названный Уилбуром. Выростая не по годам быстро, смысленый пацан становится грозой местных жителей. Сначала его боялись только животные, но скоро его будет бояться весь мир! Да, это было рождение Антихриста. Кровавые обряды во время страшных гроз, чтение запретных книг, таких как “Тайна Червей” и знаменитый “Некрономикон”. На землю вызывается Вселенский Ужас. И этот Ужас вскоре получает свободу. Бррр!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	25
Глава 5	31
Глава 6	39
Глава 7	46
Глава 8	57
Глава 9	67
Глава 10	78

УЖАС ДАНВИЧА

"Горгоны, Гидры и Химеры – страшные рассказы о Целено и Гарпиях – все они могут воссоздаваться в мозгу язычника – однако все они на самом деле существовали. Все это – копии, типы – точнее архетипы, которые есть в нас, и они существуют от века.

Иначе каким же образом то, что наяву мы считаем выдумкой, может оказывать на нас влияние? Разве мы испытываем ужас при мысли о них потому, что считаем способными причинить нам физическую боль? Нет, меньше всего! Эти страхи имеют куда более древнее происхождение. Они берут начало за пределами тела – иначе говоря, не будь тела, они бы все равно существовала...

Так что страх, о котором здесь идет речь, чисто духовной природы – то что он столь же силен, сколь и не привязан ни к одному земному объекту, то что он преобладает в период нашего безгреховного младенчества – все это затрудняет поиск решения, которое позволило бы нам проникнуть в глубины нашего доземного существования и хотя бы одним глазком заглянуть в страну теней, что была до появления человека".

Чарльз Лэмб «Ведьмы и другие ночные страхи»

Глава 1

Если человек, путешествующий по северным районам центрального Массачусетса, на развилке дорог в Эйлсбери близ Динз-Корнерс повернет не в ту сторону, то он окажется в пустынном и любопытном месте. Местность становится более возвышенной, а окаймленные зарослями вереска стены камня все ближе и ближе подходят к колее пыльной извилистой дороги. Деревья в много численных полосках леса кажутся чересчур большими, а дикие травы, сорняки и заросли куманики чувствуют себя здесь куда вольготнее, чем в обжитых районах. В то же время засеянные поля становятся более скудными и встречаются все реже; а немногочисленные разбросанные здесь дома несут на себе удивительно сходный отпечаток старости, разрушения и запущенности. Сам не зная почему, путешественник не решается спросить дорогу у кого-либо из одиноких людей грубоватой наружности, сидящих на полуразвалившихся крылечках или работающих на наклонных лугах среди разбросанных там и сям камней. Эти фигуры выглядят столь тихими и вороватыми, что сразу чувствуешь присутствие чего-то угрожающего, от чего лучше держаться подальше. Когда дорога поднимается так высоко, что видишь горы над темными ле-

сами, ощущение неясной тревоги усиливается.

Вершины кажутся слишком закругленными и симметричными, чтобы дать чувство комфорта и естественности, а порой на фоне неба с особой четкостью вырисовываются странные кольца высоких каменных колонн, которыми увенчана большая часть этих вершин.

Узкие ущелья и овраги неясной глубины пересекают дорогу, а переброшенные через них грубо сколоченные мосты всегда кажутся довольно опасными. Когда дорога вновь начинает идти под уклон, появляются участки болотистой местности, вызывающие инстинктивную неприязнь, а по вечерам – настоящий страх из-за стрекота невидимых козодоев; светлячков, танцующих в необыкновенном изобилии; хриплою и резкого, неприятно настойчивого свиста жаб. Узкая сверкающая лента Мискатоника в его верховьях очень напоминает змею, когда он, изгибаясь, подходит к подножию куполообразных холмов.

По мере приближения к холмам, путешественник начинает опасаться их лесистых склонов больше, чем увенчанных камнями вершин. Эти склоны поднимаются вверх, такие темные и крутые, что возникает желание оставить их в стороне, но дорога не позволяет их миновать. По другую сторону скрытого деревьями мостика видна маленькая деревушка, укрывшаяся между рекой и вертикальным склоном Круглой Горы, и тут путешественника удивляет зрелище полусгнив-

ших двускатных крыш, напоминающих скорее о старых архитектурных традициях, чем о типичных строениях этой местности. Большинство домов брошены и вот-вот рухнут, а церковь с разрушенной колокольной служит складом для хозяйственного скарба обитателей деревни.

Жутким кажется доверяться темному тоннелю мостика, но иного пути нет.

Когда же перебираешься на другую сторону, сразу ощущаешь слабый, но какой-то скверный запах деревенской улицы, запах плесени и многолетнего гниения.

Миновав это место, путешественник всегда испытывает чувство облегчения, а затем следует по узкой дорожке, огибает подножия холмов и пересекает гладкую равнину, пока, наконец, вновь нее попадает на развилку в Эйлсбери. И лишь тут он иногда узнает, что, оказывается, проехал через Данвич.

Посторонние стараются как можно реже заглядывать в Данвич, а после одного ужасного периода все указатели, где он было отмечен, убрали.

Окружающий ландшафт, если рассматривать его с обычной эстетической точки зрения, даже более чем прекрасен; тем не менее никакого притока художников или просто любителей летних путешествий Данвич не знает. Пару веков назад, когда никто не посмеивался над рассказами о служителях Сатаны, ведьминой крови и странных лесных обитателях, было при-

нято всячески избегать этой местности. В наш рациональный век – с тех пор, как данвичский ужас 1928 года был замят усилиями людей, которые искреннее беспокоились о благополучии городка, да и всего нашего мира – люди, сами не зная почему, продолжают остерегаться этого места. По всей видимости, одной из причин является то, что местные жители ныне заметно опустелись, далеко пройдя по пути регресса и упадка, столь характерному для многих захолустных уголков Новой Англии. В конечном итоге они, как бы образовали свою собственную расу, имеющую явные признаки умственного и физического вырождения и уродственных кровных связей. Уровень их интеллектуального развития удручающе низок, и при этом летопись их деяний буквально пропитана порочностью, убийствами, кровосмешениями и актами неопишуемой жестокости и извращенности.

Представители старейших семей, двух или трех, приехавших из Салема в 1692 году, смогли каким-то образом удержаться над уровнем общей деградации; хотя многие ветви этих семей столь сильно смешались с прочей массой, что только имена напоминали об их происхождении. Некоторые из Уотлисов и Бишопов все еще посылали своих старших сыновей в Гарвард и Мискатоник, хотя сыновья эти редко возвращались под старый заплесневелый кров, где родились они сами и их предки.

Никто, даже те, кому были известны все обстоятельства недавних кошмарных событий, не смог бы объяснить, что же все – таки с Данвичем не в порядке; между тем старые легенды рассказывали о греховных обрядах и тайных собраниях индейцев, во время которых они вызывали призраков с больших круглых холмов и выкрикивали исступленные моления, откликами на которые были громкий треск и грохот, доносившиеся из-под земли. В 1747 году преподобный Эбиджа Ходли, недавно прибывший в приходскую церковь Данвич-Вилледж, произнес памятную проповедь по поводу близкого соседства Сатаны и его мерзких слуг; в частности, он сказал:

«Нужно признать, что Богохульства Демонов Ада слишком хорошо известны, чтобы их можно было отрицать: проклятые голоса Азазеля и Базраэля, Веельзевула и Велиала слышатся сейчас из-под земли, о чем сообщали заслуживающие доверия очевидцы, ныне живущие. Я лично не далее чем две недели назад очень явственно уловил разговор между Дьявольскими Силами, когда находился у холма за моим домом; он сопровождался треском и грохотом, стонами, скрежетом, шипением и свистом, издавать которые не способно ни одно существо на земле, Звуки эти несомненно исходят из тех пещер, обнаружить которые дано только черной Магии, а отпереть – одному Дьяволу».

Мистер Ходли исчез вскоре после того, как про-

Чел эту проповедь, однако текст ее, отпечатанный в Спрингфилде, сохранился до наших дней. Сообщения о странных звуках и шумах близ холмов продолжают ежегодно поступать и все еще остаются загадкой для геологов и физиографов.

Другие предания рассказывают о неприятных запахах, ощутимых поблизости от венчающих холмы колец из каменных колонн, о воздушных потоках, шум которых доносится из определенных точек на дне больших оврагов; были и легенды, относящиеся к так называемому Двору Танцев Дьявола – открытому всем ветрам, лишенному растительности склону холма. И еще местные жители смертельно боялись многочисленных козодоев, которые заводили свои песни теплыми ночами. Уверяли, что эти птицы – призраки, поджидающие души умирающих, и что они издают свои крики в унисон с их последними трудными вздохами. Если они могут поймать летящую душу, когда та покидает тело, то они мгновенно улетают с ней, издавая дьявольский смех; если им не удастся этого сделать, то они постепенно погружаются в молчание.

Эти сказки, разумеется, уже устарели и сейчас звучат курьезно, ибо они пришли к нам с очень древних времен. Данвич в самом деле был очень стар – древнее, чем любое из поселений, находящихся в пределах тридцати миль от него. К югу от деревни еще до сих пор можно видеть стены погребов и дымоход старинно-

го дома Бишопов, который был построен до 1700 года; а руины мельницы у водопада, построенной в 1806 году, были самым современным образцом архитектуры. Промышленность не прижилась в этих местах, и развернувшееся в девятнадцатом веке фабричное движение оказалось тут недолговечным, Старейшим сооружением были огромные кольца грубо вытесанных каменных колонн на вершинах холмов, но они относились к продуктам деятельности индейцев, а не жителей Данвича. Россыпи черепов и человеческих костей, обнаруженные внутри этих колец, а также вокруг огромною, в форме стола, камня на Сторожевом Холме, подтверждали распространенное представление о том, что здесь располагались места захоронений Покумтуков, хотя многие антропологи, отвергая невероятность подобного объяснения, настаивали на том, что эти останки людей европеоидной расы.

Глава 2

В окрестностях Данвича, в большом и частично необитаемом фермерском доме у склона холма, в четырех милях от деревни и в полутора милях от ближайшего жилья, в воскресенье, 2 февраля 1913 года, в 5 часов утра родился Уилбур Уотли. Дату запомнили, потому что это было Сретение, которое жители Данвича отмечали под другим названием, а еще и потому, что этой ночью все-собаки в округе беспрерывно заливались лаем, а с холмов доносился шум.

Менее значительным представлялось то обстоятельство, что мать была из семьи Уотли, внешне непривлекательная, даже уродливая альбиноска, 35 лет, проживавшая с престарелым полусумасшедшим отцом, о котором в молодые годы ходили самые устрашающие истории по поводу его причастности к колдовству.

Мужа у Лавинии Уотли не было, но она, в соответствии с местными традициями, не пыталась каким-либо образом отречься от ребенка. Более того, Лавиния даже по – своему гордилась темноволосым, похожим на козленка младенцем, внешность которого ничем не напоминала ее несколько болезненное лицо альбиноски с красными глазами, и не раз многие слышали,

как она бормочет странные пророчества относительно необыкновенных возможностей и потрясающего будущего своего сына.

Такие пророчества не были чем-то неожиданным в поведении Лавинии, ибо она была одиноким созданием, часто во время грозы бродила по холмам и пыталась читать огромные тома, которые были собраны семейством Уотли за два века и перешли к ее отцу, изъеденные червями и разваливающиеся на части.

Лавиния никогда не ходила в школу, но была переполнена обрывками древних знаний, которые передал ей Старый Уотли. Одинокий фермерский дом всегда был для местных жителей несколько страшноватым из-за предполагаемой склонности Старого Уотли к черной магии; не способствовала популярности этого дома и таинственная насильственная смерть миссис Уотли, случившаяся, когда Лавинии было двенадцать лет. Оказавшись в одиночестве посреди странных воздействий, Лавиния любила предаваться грандиозным и безудержным грезам наяву и необычным занятиям; ее досуг не был посвящен и домашним обязанностям, вследствие чего из дома давно исчезли чистота и порядок.

В ночь, когда появился на свет Уилбур, из дома донесся ужасный крик, перекрывавший даже шум с холмов и собачий лай, однако ни врач, ни повивальная бабка при этом рождении не присутствовали. Целую

неделю соседи ничего не знали о новорожденном, пока Старик Уотли не приехал однажды на своих санях по снегу и стал говорить что-то бессвязное группе зевак, собравшихся у лавки Осборна. С престарелым Уотли что-то случилось – появился какой-то дополнительный оттенок скрытности в его поведении и затуманенном сознании, превративший старика из объекта страха в его субъект.

Помимо этого можно было заметить некоторые признаки гордости, позднее проявившиеся и у его дочери, а то, что им было сказано по поводу возможного отца ребенка, многие запомнили надолго:

"Мне наплевать на то, что подумают люди – если сын Лавинии похож на своего папочку, то он и не может выглядеть так, как остальные, к кому вы привыкли. Не нужно думать, что се люди такие, как и те, что здесь живут.

Лавиния много читала и видела такое, о чем вы только болтаете. Я так понимаю, что ее мужик ничуть не худший муж, чем любой по эту сторону Олсбери; а если бы вы знали про наши холмы то, что известно мне, то вы не пожелали бы ей венчания в церкви. Вот что я вам скажу – настанет день и вы, ребята, еще услышите, как ребенок Лавинии прокричит имя своего отца с вершины Сторожевого Холма"

Единственными, кто видел Уилбура в первый месяц его жизни, были старый Захария Уотли, еще из

тех, прежних Уотли, и невенчанная жена Эрла Сойера Мэми Бишоп. Визит Мэми был вызван простым любопытством и ее последующие рассказы делают честь ее наблюдательности; Захария же пришел, чтобы привести пару олдернских коров, которых Старик Уотли купил у его сына Куртиса. Это событие положило начало серии закупок скота семейством маленькою Уилбура, прекратившихся лишь в 1928 году, когда начался и закончился данвичский ужас; и несмотря на эти покупки, полусгнивший двор Уотли никогда не был переполнен скотиной, Настал момент, когда люди не могли усмирить свое любопытство и сосчитали все стадо, которое паслось на склоне холма за старым фермерским домом, но им ни разу не удалось обнаружить там более десяти-двенадцати анемичных вялых животных. По всей видимости, какая-то хворь или зараза, вероятнее всего, вызванная плохим пастбищем или вредными грибами, которые развелись на грязном скотном дворе, привела к падежу скота. Странного вида раны и болячки, похожие на следы порезов, виднелись на телах животных; а пару раз еще в ранние периоды жизни ребенка некоторые любопытные замечали такие же ранки на горле у седого небритого старика и его кудрявой дочери-альбиноски.

Весной того года, когда родился Уилбур, Лавиния вновь стала совершать прогулки по холмам, держа в своих миниатюрных руках смуглолицего младенца.

Всеобщий интерес к делам Уотли постепенно сошел на нет, по мере того как большинство жителей смогли посмотреть на мальчика, причем никто не задумался о быстром развитии ребенка, взрослого буквально не по дням, а по часам. А рост его был действительно феноменальным, ибо спустя три месяца после рождения он достиг размеров и физической силы, которые редко наблюдаются и у годовалых детей. Его движения и даже звуки, которые он издавал, отличались целенаправленностью и самоконтролем, весьма необычным для младенца, и, к вящему удивлению окружающих, он в семь месяцев начал ходить без посторонней помощи.

Спустя некоторое время – во время праздника Хэллоуин – в полночь, на вершине Сторожевого Холма, там, где лежал древний камень, похожий на стол, посреди древних костей можно было видеть яркое пламя. Разговоры об этом начались тогда, когда Сайлес Бишоп – из тех, прежних Бишопов, – сказал, что примерно за час до того, как появилось пламя, видел, как мальчик уверенно бежал вверх по склону холма впереди своей матери. Сайлес, который загонял назад отбившуюся от стада телку, увидев две фигуры в колеблющемся свете фонаря, почти позабыл о своих заботах. Они почти бесшумно неслись через подлесок, и пораженный наблюдатель подумал, что они совершенно раздеты. Впоследствии он не был так в этом уве-

рен и говорил, что по крайней мере на мальчишке, по всей видимости, были темные штанишки, перепоясанные ремешком с бахромой. Позже никто и никогда не видел, чтобы, находясь в сознании, Уилбур не был полностью и тщательно застегнут на все пуговицы, и малейший беспорядок в одежде и даже угроза подобного беспорядка наполняли его гневом и тревогой. Это выглядело разительным контрастом с его неряшливыми матерью и дедом и возбуждало всеобщее недоумение до тех пор, пока ужасные события 1928 года не дали отмеченному факту самое исчерпывающее объяснение.

В январе следующего года предметом бурного обсуждения и всяческих сплетен стало то, что «черный ублюдок Лавинии» начал разговаривать, и это в возрасте одиннадцати месяцев! Его речь была замечательна не только тем, что в ней отсутствовал местный акцент, но и тем, что была совершенно лишка признаков детского лепета. Мальчик не был особенно разговорчив, но когда ему все-таки случалось говорить, в его речи слышались элементы, совершенно не характерные для Данвича и его обитателей. Необычность эта не относилась к тому, что он говорил, или даже к простым идиомам, которые он использовал; скорее она относилась к интонации или была связана с теми внутренними органами, которые отвечали за формирование звуков. Мимика и выражение лица также

были замечательны – прежде всего своим зрелым характером; ибо, хотя он и унаследовал от матери и деду отсутствие подбородка, однако ею прямой и вполне сформировавшийся нос, вкуче с выражением больших, темных, латинского типа глаз придавал ему облик почти взрослого человека со сверхъестественным для такого возраста интеллектом. Тем не менее, это ощущение присущего ему ума не устранило чрезвычайной уродливости; было что-то козлиное или звериное в его толстых губах, желтоватой пористой коже, грубых курчавых волосах и причудливо удлинённых ушах. Очень скоро он начал вызывать ещё большую неприязнь, чем его мать и дед, и все суждения о нём были пропитаны ссылками на прежнюю склонность Старика Уотли к магии, и тем, как он однажды выкрикнул ужасное имя «Йог-Сохот» посреди кольца камней на холме, держа в руках раскрытую книгу, и как содрогнулись холмы от этого крика. Собаки ненавидели мальчика, и он всегда должен был защищаться от их яростных нападений, сопровождающихся залившимся лаем.

Глава 3

Между тем Старик Уотли продолжал приобретать скот, хотя стадо его от этого не увеличивалось. Кроме того, он пилил доски и начал восстанавливать заброшенные части дома – обширную сооружения с остроконечной крышей, задняя часть которого почти полностью скрывалась скалистыми склонами холма. По всей видимости, у старика сохранилось еще немало сил, позволивших ему завершить столь тяжелый труд, и хотя он все еще временами что-то бессвязно бормотал, но в целом плотницкие работы оказали на него серьезное позитивное влияние.

Собственно, это началось с рождения Уилбура, когда один из сараев с инструментами был неожиданно приведен в порядок и снабжен солидным новым замком. Теперь же, занимаясь восстановлением заброшенного верхнего этажа дома, он показал себя не менее старательным мастером. Мания его проявилась, пожалуй, только в тщательном заколачивании досками всех окон в восстановленной части дома – хотя многие заявляли, что само по себе восстановление уже является признаком безумия. Менее неожиданным было затеянное им оборудование еще одной комнаты внизу для своего внука – комнаты, которую некоторые ви-

дели, хотя на обшитый досками второй этаж никто не смог заглянуть. Комнату для внука он снабдил крепкими стеллажами до самого потолка; на них он постепенно начал размещать в строгом порядке все подпорченные древние книги и их части, которые раньше в беспорядке валялись по углам.

«Я в свое время попользовался ими, – говорил он, пытаюсь склеить разорванные листы с помощью, клея; приготовленного на ржавой кухонной плите, – но мальчику они пригодятся еще больше. Он сможет использовать их по своему усмотрению, поскольку в них есть все необходимые для него знания».

Когда Уилбуру исполнилось год и семь месяцев, его размеры и достижения стали почти пугающими. Он вырос с четырехлетнего ребенка, говорил свободно и очень умно. Он бегал по полям и холмам, сопровождая мать во всех ее прогулках. Дома же он сосредоточенно и прилежно изучал причудливые рисунки и карты в книгах своего дедушки, а Старик Уотли обучал и экзаменовал его долгими тихими часами. К тому времени работа по восстановлению дома была завершена, и те, кто видел его снаружи, удивлялись, почему одно из окон верхнего этажа было превращено в прочную, обшитую досками дверь. Окно это располагалось на задней части фасада, близко подходящего к холму; и никто не смог бы ответить, для чего к нему с земли была подведена крепкая деревянная лестница. После заверше-

ния работ по дому многие обратили внимание не то, что старый сарай для инструментов, тщательно запертый и с заколоченными окнами с момента появления Уилбура на свет, вновь оказался заброшенным. Дверь теперь была небрежно распахнута, и когда Эрл Соьер однажды заглянул внутрь после продажи скота Старик-у Уотли, он был поражен странным запахом этого помещения – такой вони, уверял он, ему никогда еще не приходилось ощущать, разве что возле индейских каменных колец на вершинах холмов, и вряд ли можно было представить себе какое-нибудь другое место, где бы так воняло.

Последующие месяцы не были отмечены заметными событиями, если не считать медленного, но неуклонного усиления шумов, которые доносились с возвышенностей. Накануне мая 1915 года произошли подземные толчки, которые ощутили даже жители Олсбери, а во время Хеллоуина из-под земли донеслись раскаты, странным образом совпавшие со вспышками пламени – «проделки ихних Уотлиевых ведьм» – на вершине Сторожевого Холма, Уилбур между тем рос так же быстро, и к четырем годам выглядел на все десять. Теперь он бегло читал сам, однако говорил меньше, чем раньше. Определенная молчаливость стала его характерной чертой, и именно тогда окружающие впервые стали отмечать первые проблески дьявольщины на его козлином лице. Время от времени он бор-

мотал какие-то слова на неизвестном языке, напевал странные мелодии в причудливом ритме, от которых слушателя охватывало леденящее чувство необъяснимого ужаса, Ненависть к нему деревенских собак стала широко известной и он, чтобы спокойно расхаживать по деревне и ее окрестностям, был вынужден носить с собой пистолет. Осуществлявшееся им в силу необходимости применение этого оружия не способствовало его популярности среди владельцев четвероногих стражей.

Те немногие посетители, что бывали в их доме, часто заставляли Лавинию в одиночестве на первом этаже, в то время как с заколоченною второго доносились странные выкрики и топот ног. Она сама никогда не рассказывала, чем ее отец и мальчик занимались там, и как-то раз она смертельно побледнела, увидев, что смешливый торговец рыбой, заглянувший в дом, попытался открыть дверь, ведущую на второй этаж. Торговец позднее рассказал посетителям лавки в Данвиче, что ему послышался оттуда конский топот. Его слушатели задумались, сразу припомнив необычную дверь и сходни, а также скотину, которая так стремительно исчезала куда-то. После этого многие передернулись от страха, вспомнив истории о молодых годах Старика Уотли и о странных существах, вызывавшихся из-под земли, когда выхолощенного бычка приносили в жертву языческим бога. К тому же было замечено, что де-

ревенские собаки стали ненавидеть всю усадьбу Уотли так же яростно, как до того ненавидели и боялись юною Уилбура.

В 1917 году пришла война и сквайр Сойер как председатель местной призывной комиссии предпринял достаточно усилий по набору молодых мужчин Данвича, пригодных для посылки в лагеря военной подготовки. Власти, озабоченные признаками присущего всему региону вырождения, послали нескольких офицеров и медицинских специалистов для выяснения этого вопроса; читатели газет Новой Англии, видимо, вспомнят опубликованные результаты тех исследований. Публикации привлекли внимание репортеров к семье Уотли, в результате чего «Бостон Глоуб» и «Эркхам Эдвертайзер» напечатали красочные статьи о необыкновенно быстром развитии Уилбура, черной магии Старика Уотли, стеллажах со старинными книгами, заколоченном досками втором этаже фермерского дома, о таинственности всей этой местности и о звуках, доносящихся с холмов. Уилбуру было в то время четыре с половиной года, а выглядел он на пятнадцать, Ею верхнюю губу и щеки покрывал темно-коричневый пушок, а голос начинал ломаться. Эрл Сойер проводил репортеров и фотографов к дому Уотли и обратил их внимание на странный запах, который теперь, казалось, сочился с закрытого верхнего этажа. Это был, как он им сказал, точно такой же запах, как и тот, что он почув-

ствовал в сарае с инструментами, заброшенном после того, как дом был отремонтирован; так же, как и запах, который он иногда чувствовал, находясь у каменного кольца на вершине. Жители Данвича, когда статьи появились в газетах, их прочитали и посмеялись над очевидными ошибками авторов. Кроме того, они недоумевали, почему журналисты придавали такое значение тому, что Старик Уотли всегда платил за приобретаемый скот старинными золотыми монетами. Уотли же принял визитеров с плохо скрываемым раздражением, причем, не ища дальнейшей популярности, упорно отказывались давать интервью.

Глава 4

В последовавшем десятилетии летопись семьи Уотли вполне вписывалась в жизнь этой нездоровой общины привыкшей к странностям и ожесточавшейся только во время их оргий в канун мая и на празднике Хеллоуин. Дважды в год они разжигали костры на вершине Сторожевого Холма, и в это время грохот гор многократно усиливался; в остальные периоды они занимались своими странными и зловещими делами в одиноком фермерском доме. Со временем посетители стали слышать звуки из закрытою второго этажа даже в те моменты, когда все семейство Уотли находилось внизу, и задавались вопросом – быстро и безболезненно или, наоборот, долю и мучительно приносятся в жертву корова или бычок. Ходили разговоры о возможной жалобе в Обществе Защиты Животных, но из этих разговоров ничего не вышло, ибо жители Данвича никогда не хотели привлекать к себе внимание внешнего мира.

Примерно в 1923 году, когда Уилбуру было десять лет, а его разум, голос, рост, фигура, бородатое лицо были такими же, как у зрелого мужчины, в старом доме началась вторая великая эпопея плотницких работ. Все они происходили на этот раз внутри закрытой

верхней части дома, и по частям разобранных бревен люди заключили, что молодой человек и его дед сломали все перегородки и даже разобрали пол чердака, в результате чего образовалось обширное пространство между первым этажом и остроконечной крышей. Они даже разломали большой старый дымоход, и приделали к ржавой плите непрочную жестяную дымовую трубу.

После этих событий, весной, Старик Уотли обратил внимание на все растущее число козодоев, которые прилетали из Холодной Весенней Долины, чтобы посвистать под его окном по ночам. Он склонен был рассматривать это обстоятельство как важный знак, и говорил завсегдатаям Осборна, что, видимо, пришло его время, «Они свистят почти в унисон с моим дыханием, – сказал он, – думаю, что они готовы поймать мою душу. Они знают, что конец уже близок, и не хотели бы его пропустить. Вы, ребята, узнаете, после того, как я умру, поймали они меня или нет. Если поймают, то будут петь и смеяться до самого вечера. Если же нет, то будут вести себя тихо. Я думаю, что между ними и душами, на которых они охотятся, порой происходят жестокие драки».

Во время Праздника Урожая, ночью, Уилбур Уотли, проскакав сквозь темноту на последней оставшейся у него лошади до Осборна, позвонил в Эйлсбери и срочно вызвал доктора Хогтона. Доктор нашем Стари-

ка Уотли в очень тяжелом состоянии: работа сердца и затрудненное дыхание указывали на то, что конец близок. Бесформенная белесая дочь и бородатый внук стояли рядом с кроватью, в то время как из пространства над их головами доносились беспокойные звуки, похожие на ритмичный шум набегających на берег волн.

Доктора, однако, более всего тревожило щебетание ночных птиц за окнами: казалось, что целый легион козодоев выкрикивал свои нескончаемые послания, дьявольски совпадающие с тяжелым неровным дыханием умирающего человека. Все это было так же жутко и неестественно, как и все в этой местности, куда доктор Хогтон поехал неохотно, только отозвавшись на срочный вызов.

Около часа ночи Старик Уотли пришел в сознание, прервал свое хриплое дыхание и сказал, обращаясь к внуку: «Больше пространства, Вилли, больше пространства и, поскорее. Ты растешь, а оно растет быстрее. Скоро оно уже сможет тебе служить, мальчик. Открой ворота для Йог-Сохота при помощи того долгого песнопения, которое ты найдешь на странице 751 полного издания, а затем подожги тюрьму при помощи спичек. Огонь с земли не сможет зажечь ее».

Он был явно не в своем уме. После паузы, во время которой стая козодоев за окном приспособливалась к своим крикам к изменившемуся дыханию старика, а издали слышались пока слабо различимые шумы с холмов, он

добавил еще несколько фраз: «Корми его регулярно, Вилли, и следи за количеством, но не позволяй расти слишком быстро, а то места не хватит и оно может сломать помещение или выберется наружу прежде, чем ты откроешься перед Йог-Сохотом, а тогда всему конец, все пойдет прахом. Только те, что по ту сторону, могут заставить его плодиться и действовать... Только они, старые, как захотят вернуться...»

Но тут речь его вновь сменилась лихорадочными глотками воздуха, и Лавиния закричала, услышав, как козодои сменили свою песню. Так продолжалось больше часа, когда наконец раздался финальный горловой хрип. Доктор Хогтон опустил сморщенные веки на остекленевшие серые глаза, и тут шум и крики птиц неожиданно прекратились. Наступила тишина. Лавиния всхлипнула, а Уилбур хмыкнул, услышав отдаленные раскаты грома с холмов.

«Им не удалось заполучить его» – пробурчал он густым низким голосом.

Уилбур к тому времени стал ученым весьма обширной эрудиции в своей области и был известен своей перепиской со многими библиотеками в самых разных городах, где хранились редкие и запрещенные древние книги. В Данвиче его все больше и больше ненавидели и боялись из-за странных исчезновений некоторых молодых людей, после которых подозрение как-то само собой падало на его дверь; однако, он всегда был

в состоянии приостановить расследование при помощи страха или используя все те же запасы старинного золота, которые, как и при жизни его деда, шли на регулярную и все возрастающую закупку скота.

Теперь он уже был во всех отношениях зрелым человеком, и рост его, достигший среднего для взрослого мужчины уровня, начал постепенно переходить этот предел. В 1925 году, когда один из его корреспондентов из Университета Мискатоника заглянул к нему, а затем бледный и озадаченный удалился, в нем было шесть и три четверти фута.

Все эти годы Уилбур с растущим презрением относился к своей матери, альбиноске, полукалеке, и в конце концов запретил ей сопровождать его в восхождении на вершины в канун мая и на праздник Хеллоуин, а в 1926 году несчастное создание как-то пожаловалось Мэми Бишоп, что боится своего сына:

«К сожалению, я не могу сказать тебе, Мэми, всего, что знаю о нем, – говорила Лавиния, – а теперь уж и сама не знаю всего. Уповаю на Господа, потому что не знаю, ни чего хочет мой сын, ни чем он занимается».

В тот раз, во время праздника Хеллоуин, грохот с вершин был сильнее обычного, однако внимание людей привлек скорее ритмичный крик множества козодоев, которые собрались, по-видимому, у неосвященного дома Уотли. После полуночи вопли их достигли дьявольского апофеоза, наполнив собой все окрестно-

сти, и только к рассвету они наконец уgomонились. Затем они снялись и улетели на юг, где пробыли на месяц дольше, чем обычно. Никто из местных жителей не умер в эту ночь но бедная Лавиния Уотли, искалеченная альбиноска, больше не появлялась.

Летом 1927 Уилбур отремонтировал два сарая на хозяйственном дворе и принялся перетаскивать туда свои книги и прочие пожитки. Вскоре после этого Эрл Сойер сообщил любопытным у Осборна, что в доме Уотли вновь начались плотницкие работы. Уилбур закрыл окна и двери нижнего этажа, и, похоже, разбирает все перекрытия, как они с дедом сделали четыре года назад на втором этаже. Теперь он живет в одном из сараев и, по мнению Сойера, стал робким и озабоченным. Люди предполагали, что ему кое-что известно по поводу исчезновения матери, и теперь уже очень немногие решались появляться поблизости от его дома. Рост Уилбура, кстати, достиг уже семи футов и, по всем признакам, прекращаться не собирался.

Глава 5

В следующую зиму произошла еще одно странное событие, а именно – первое путешествие Уилбура за пределы Данвича. Переписка с библиотекой Уайденер в Гарварде, Национальной Библиотекой в Париже, Британским Музеем, Университетом Буэнос-Айреса и библиотекой Университета Мискатоник в Эркхаме, видимо, уже не могла обеспечить его всеми книгами, которые были ему нужны; поэтому в конце концов он отправился за книгами лично, в поношенной одежде, неопрятный, заросший бородой, со странным выговором; отправился, чтобы свериться с оригиналом в Мискатонике, ближайшем к нему источнике необходимой литературы. Купив дешевый чемодан в лавке Осборна, он, к тому времени достигший почти восьми футов роста, похожий на черную, звероподобную горгулью, прибыл в Эркхам. Появился он там, чтобы получить хранившийся в – библиотеке колледжа под замком ужасный том – «Некрономикон» безумного араба Абдула Альхазреда в латинском переводе Олауса Вормиуса, изданный в семнадцатом столетии в Испании. Он никогда не был в этом городе, но без труда нашел университетский двор, куда проследовал, миновав огромного сторожевого пса с белыми клыками; тот невероятно

громко лаял на Уилбура, яростно пытаюсь сорваться с крепкой цепи.

Уилбур захватил с собой бесценный, но неважно сохранившийся экземпляр английской версии интересующей его книги, выполненный доктором Ди, который он получил от деда. Когда ему дали возможность ознакомиться с латинским экземпляром, он сразу же стал сравнивать два текста с целью найти определенный фрагмент, который должен был быть на 751 странице его собственной поврежденной книги. Это он вынужден был объяснить библиотекарю – тому же эрудиту Генри Эрмитэйджу (члену-корреспонденту Академии Мискатоника, доктору философии Принстона, доктору Литературы Джона Хопкинса), который как-то раз был у них на ферме и теперь забросал его вопросами. Уилбур признался, что ищет магическую формулу или заклинание, включающую устрашающее имя «Йог-Сохот», причем он озадачен наличием расхождений, повторов и неясностей, которые мешают ее точно определить. Пока он переписывал заклинание, которое смог наконец обнаружить, доктор Эрмитэйдж невольно заглянул ему через плечо на открытую книгу: левая страница содержала чудовищные угрозы разуму и спокойствию нашего мира: "Не следует думать, (гласил текст, который Эрмитэйдж быстро переводил в уме на английский) что человек является древнейшим или последним властителем Земли, или что известная нам

форма жизни существует в одиночку. Старейшины были, Старейшины есть и Старейшины будут. Они ходят среди нас, первобытные и безмолвные, не имеющие измерений и невидимые. Йог-Сохот знает ворота.

Йог-Сохот и есть ворота. Йог-Сохот это и страж ворот и ключ к ним.

Прошрое, настоящее и будущее слились воедино в нем. Он знает, где Старейшины совершили прорыв в прошлом, и где Они сделают это вновь. Он знает, где Они ступали по Земле, и где Они все еще ступают, и почему никто не может увидеть Их там. Люди могут иногда догадаться об Их близости по Их запахам, но об Их внешности никто из людей не может знать, они могут догадываться о ней лишь, если увидят внешность тех, кого Они оставили среди людей а таких есть множество видов – от таких, что полностью повторяют образ человека, до таких, у которых облик не имеет ни формы, ни материальной субстанции – то есть, таких, как Они сами. Они расхаживают, оставаясь незамеченными в пустынных местностях, где произносятся Слова и исполняются Обряды во время их Сезонов. Ветер невинно произносит Их речи, земля высказывает Их мысли, Они сгибают леса и сокрушают города, но ни лес, ни город не видит руку, их разрушающую, Кадат в холодной пустыне знал их, а какой человек знает Кадат?

Ледовые пустыни Юга и затонувшие острова Океана хранят камни, на которых запечатлен их знак, но кто

видел замерзшие города или затонувшие башни, давно увитые морскими водорослями или рачками? Великий Цтулху – Их двоюродный брат, но даже он может видеть Их только смутно. Йа! Шаб-Ниггурат!

Лишь по зловонию Их узнаешь ты их. Руки Их у тебя на горле, но ты Их не видишь, и обиталище Их как раз там, где порог, что ты охраняешь. Йог-Сохот – вот ключ к тем воротам, где встречаются сферы. Человек правит теперь там, где раньше правили Они; скоро Они будут править там, где теперь правит человек. После лета наступает зима, после зимы – вновь придет лето. Они ждут, могучие и терпеливые, когда придет их пора царствовать".

Доктор Эрмитэйдж, сопоставляя только что прочитанное с тем, что ему было известно о Данвике и его задумчивых обитателях, о Уилбуре Уотли и его смутной и устрашающей ауре, его подозрительном появлении на свет, туманной вероятности убийства собственной матери, ощутил волну страха, столь же реально го, как дуновение липкого холода из могилы. Этот согнувшийся, похожий на козла гигант, сидевший перед ним, выглядел как порождение иной планеты или иного измерения; как нечто, лишь частично принадлежащее человечеству и связанное с черными безднами сущности и существования, протянувшиеся как титанические фантомы по ту сторону энергии и материи, пространства и времени, Тут Уилбур поднял голову и на-

чал говорить своим странным резонирующим голосом, как будто голосовые связки были у него не такими, как у всех остальных людей:

«Мистер Эрмитэйдж, – сказал он, – я тут прикинул, что должен взять эту книгу с собой. В ней есть некоторые вещи, которые я должен Попробовать в определенных условиях, а здесь их добиться невозможно, и было бы непростительным грехом – позволить каким-то бюрократическим правилам и запретам остановить меня. Позвольте мне взять ее с собой, сэр, и я клянусь, что никто ничего не заметит. Нечего говорить, что я буду очень аккуратен с ней. Я подумал, что этот экземпляр вполне мог бы заменить...»

Он остановился, прочитав в лице библиотекаря твердый отказ, и тут его козлиные черты приняли коварное, хитрое выражение. Эрмитэйдж, наполовину готовый сказать, что он может сделать копию с нужных ему страниц, вдруг подумал о возможных последствиях и сдержал себя. Слишком велика была ответственность – дать в руки такому созданию ключ к столь богохульным внешним сферам. Уотли увидел, как обстоит дело, и постарался снять напряжение.

«Что ж, если вы так к этому относитесь. Может быть, в Гарварде не будут такими нервными, как вы». И, ничего больше не сказав, встал и вышел из здания, нагибаясь перед каждым дверным проемом.

Эрмитэйдж услышал дикий лай огромного стороже-

вого пса и внимательно изучил гориллоподобную походку Уотли, пересекавшего ту часть университетского двора, которая была видна в окно. Он подумал о всяких безумных историях, которые слышал, вспомнил старые воскресные статьи в «Эдвертайзере», все те знания, которые он почерпнул у грубых и неотесанных жителей Данвича во время своего единственного визита туда. Невиданные на земле вещи – по крайней мере, на трехмерной земле – нахлынули на него, смрадные и ужасные, сквозь ущелья Новой Англии, и бесстыдно нависли над вершинами гор. Теперь он, казалось, ощутил близкое присутствие вторгающегося ужаса и заметил адское наступление древнего и прежде пассивного ночного кошмара. Он спрятал «Некрономикон» с дрожью отвращения, однако комната все еще была наполнена неопределенным, но порочным зловонием. «По зловонию узнаете Их», – припомнил он выдержку из текста. Да – запах был точно такой же, как и тот, что поразило его возле фермерского дома Уотли меньше трех лет тому. назад, Он подумал об Уилбуре, зловещем, звероподобном, и насмешливо хмыкнул, вспомнив деревенские сплетни по поводу его происхождения.

«Узкородственный брак?» вслух пробормотал Эрмитэйдж. «Боже правый, какие простак! Покажи им „Великого Бога Пана“ Артура Мейчена, и они подумают, что тут какой-то банальный данвичский скандал! Но что же все-таки – что за ужасное неопределенное вли-

яние на этой трехмерной земле или вне ее – оказал Отец Уилбура Уотли? Родился он на Сретение – спустя девять месяцев после кануна мая 1912 года, когда слухи о странных звуках из-под земли дошли до Эркхама – что же было на вершине холма той майской ночью и кто был там? Какой крестный ужас связал себя с нашим миром, войдя в получеловеческую плоть и кровь?»

В течение последующих недель доктор Эрмитэйдж пытался собрать все возможные данные об Уилбуре Уотли и неопределенных явлениях в районе Данвича. Он связался с доктором Хогтоном из Эйлсбери, который присутствовал при последних минутах Старика Уотли, и нашел в последних словах старика, сообщенных ему врачом, немало заслуживающего обдумывания. Поездка в Данвич ничего нового не дала, но тщательное изучение «Некрономикона», особенно тех страниц, которыми так откровенно заинтересовался Уилбур, дало ему новые ужасные ключи к природе, методам и желанием странною зла, которое смутно угрожало этой планете. Беседы с несколькими учеными, специализирующимися в архаических источниках в Бостоне, обмен письмами со многими другими разных местах, вызвали у него растущее чувство изумления, которое, медленно пройдя через разные стадии тревоги, в конце концов привело к состоянию острого духовною страха. Лето шло, и он смутно чувствовал,

что необходимо что-то предпринять в отношении кошмара, таящегося в верховьях Мискатоника, и того чудовищного создания, которое люди знали как Уилбура Уотли.

Глава 6

Собственно данвичский ужас пришелся на период между праздником урожая и равноденствием 1928 года, причем доктор Эрмитэйдж был среди свидетелей его чудовищного пролога. Он слышал об эксцентричном путешествии Уилбура в Кэмбридж, о его отчаянных попытках получить в свое пользование «Некрономикон» или сделать копии его страниц в библиотеке Уайденера. Усилия эти оказались напрасными, поскольку Эрмитэйдж успел настоятельно попросить всех библиотекарей, в чьем владении имелся этот ужасный том, ни в коем случае не выдавать его. Говорят, что в Кэмбридже Уилбур ужасно нервничал: с одной стороны, очень хотел заполучить себе книгу, а с другой стороны, не меньше хотел побыстрее попасть домой, как будто опасался каких-то последствий столь долгого своего отсутствия.

В начале августа то, чего можно было ожидать, началось. В первые часы третьего августа доктор Эрмитэйдж был внезапно разбужен диким, яростным лаем свирепого сторожевого пса из университетского двора. Страшное и глубокое рычание, полубезумный хриплый лай не прекращались: они усиливались, хотя сопровождались пугающими, но имеющими какое-то

зловещее значение паузами. А затем послышался вопль, вырвавшийся из другой глотки – вопль был такой, что разбудил половину всех спящих Эркхама и впоследствии еще долго преследовал их во сне – подобною вопля не могло издать ни одно земное существо, или, по крайней мере, полностью земное.

Эрмитэйдж, наспех одевшись, устремился через газоны и улицу к зданиям колледжа. Были слышны завывания охранной сигнализации, установленной в библиотеке. Открытое окно зияло чернотой в лунном свете. То, что пришло, безусловно смогло проникнуть внутрь, поскольку лай, теперь быстро превращающийся в вой и глухое рычание, доносился уже изнутри. Какое-то чутье подсказало Эрмитэйджу, что происходящее здесь не стоит видеть неподготовленным зрителям, поэтому он властно остановил толпу, приказав отойти назад, а сам тем временем отпер двери вестибюля. Звуки, доносившиеся изнутри, к тому моменту поутихли, если не считать настороженного монотонного подвывания; но тут же Эрмитэйдж ясно различил в кустах целый хор козодоев, издававший дьявольски ритмичный свист, как будто в унисон с дыханием умирающего.

Здание было пропитано ужасным запахом, слишком хорошо знакомым доктору Эрмитэйджу, и вот три человека уже устремились через вестибюль к маленькому читальному залу, откуда доносился низкий вой. При-

мерно секунду – никто не решался зажечь свет, но в конце концов Эрмитэйдж собрался с силами и щелкнул выключателем. Один из троих – неизвестно, кто именно – громко закричал, увидев то, что было распростерто перед ними среди раздвинутых в беспорядке столов и перевернутых стульев. Профессор Райс позднее рассказывал, что он на мгновение полностью лишился сознания, хотя смог удержаться на ногах.

Существо, которое скрючившись лежало на боку, в зловонной луже зелено-желтого гноя, липкого как деготь, достигало в длину почти девяти футов, и собака порвала на нем всю одежду и частично задела кожу. Оно еще было живо, но судорожно подергивалось, грудь же его вздымалась в чудовищной синхронности с безумным пением ожидавших снаружи козодоев. Обрывки одежды существа и кусочки кожи с его ботинок были разбросаны по комнате, а прямо рядом с окном, где он, очевидно, и был брошен, лежал пустой холщовый мешок.

Возле центрального стола лежал на полу пистолет, и впоследствии по вдавленному, косо вышедшему из обоймы патрону удалось понять, почему он не выстрелил. Однако в тот момент все эти детали не были видны на фоне существа, лежавшего на полу. Было бы банальным утверждать, что описать его невозможно, однако сказать, что его не смог бы ясно себе представить тот, чьи представления слишком тесно связаны

с привычными на земле живыми формами и с тремя известными нам измерениями, было бы совершенно справедливо.

Частично существо это было несомненно человекоподобным, руки и голова были очень похожи на человеческие, козлиное лицо без подбородка носило отпечаток семьи Уотли. Однако торс и нижняя часть тела были загадочными с точки зрения тератологии, ибо, по всей видимости, лишь одежда позволяла существу передвигаться по земле без ущерба для его нижних конечностей.

Выше пояса оно было полуантропоморфным, хотя его грудь, куда все еще впивались когти настороженного пса, была покрыта сетчатой кожей, наподобие крокодиловой. Спина пестрела желтыми и черными пятнами, напоминая чешую некоторых змей. Ниже пояса, однако, дело обстояло хуже, поскольку тут всякое сходство с человеческим заканчивалось и начиналась область полнейшей фантазии. Кожа была покрыта густой черной шерстью, а из области живота мягко свисали длинные зеленовато-серые щупальца с красными ртами-присосками. На каждом из бедер, глубоко погруженные в розоватые реснитчатые орбиты, располагались некие подобия глаз; на месте хвоста у существа имелся своего рода хобот, составленный из пурпурных колечек, по всем признакам представлявший собой недоразвитый рот. Конечности, если не считать покры-

вавшей их густой шерсти, напоминали лапы гигантских доисторических ящеров; на концах их находились изборозжденные венами подушечки, которые не походили ни на когти, ни на копыта. При дыхании существа его хвост и щупальца ритмично меняли цвет, как будто подчиняясь какому-то циркулярному процессу, появлялись при этом различные оттенки зеленого – от нормального, до совершенно нечеловеческого зеленовато-серого; на хвосте же это проявлялось в чередовании желтого с грязноватым серо-белым в тех местах, что разделяли пурпурные кольца. Крови видно не было – только зловонная зеленовато-желтая сукровица, которая струйками растекалась по полу.

Присутствие трех человек, по всей видимости, побудило умирающее существо очнуться, оно начало что-то бормотать, не поворачиваясь и не поднимая головы. Доктор Эрмитэйдж сохранил записи его речевого творчества, однако твердо заявляем, что не было произнесено ни одного слова по-английски. Поначалу произносимые слоги не содержали ничего похожего хотя бы на один из известных на Земле языков, однако в конце концов стали появляться разрозненные фрагменты, явно заимствованные из «Некрономикона», этой чудовищной ереси, в поисках которого существо явно сюда и прибыло. Эти фрагменты, как припоминает Эрмитэйдж, звучали следующим образом: «Н'гаи, н'гха'гхаа, багшоггог, й'хах; Йог-Сохот, Йог-Сохот...» Они уходили

в ничто, сопровождаемые криками козодоев, ритмичное крещендо которых отражало злобное предвкушение смерти.

Затем дыхание остановилось, и пес поднял голову, издав протяжный похоронный вой. Желтое, козлиное лицо лежащего на полу существа изменилось, огромные черные глаза ужасающее запали. За окном неожиданно прекратилось стрекотание козодоев, перекрывая ропот собравшейся толпы, раздалось сеющее панику хлопанье крыльев, на фоне луны показались тучи пернатых наблюдателей, которые затем скрылись из вида, обозленные, что добыча им не досталась, Собака резко сорвалась с места, испуганно гавкнула и выскочила через окно. В толпе поднялся крик, и доктор Эрмитэйдж громко объявил стоящим на улице, что никого нельзя впускать в здание до тех пор, пока не придет полиция или врач. «Слава Богу, что окна достаточно высоки и в них нельзя заглянуть с улицы», – подумал он, но тем не менее тщательно опустил темные шторы на каждом окне. К этому времени прибыло двое полицейских; доктор Морган встретил их в вестибюле и попросил, ради их собственного блага, запретить доступ в источающий зловоние читальный зал, пока не прибудет медицинский эксперт и распростертое на полу существо не будет накрыто покрывалом.

Между тем на полу читального зала происходили пугающие перемены. Нет возможности описать, какого

рода распад шел перед глазами доктора Эрмитэйджа и профессора Райса, и насколько стремительными он был, но позволительно будет заметить, что, помимо внешнего очертания лица и рук, подлинно человеческих элементов в Уилбуре Уотли оказалось ничтожно мало. Когда прибыл медицинский эксперт, на деревянном крашеном полу оставалась только клейкая белая масса, да и неприятный запах почти исчез. Уотли был лишен черепа и костного скелета, во всяком случае, человеческих.

Глава 7

Но все это было лишь прологом к настоящему данвичскому ужасу. Сбитые с толку представители официальных властей выполнили необходимые формальности, причем аномальные детали происшедшего были старательно скрыты от публики и прессы; в Данвич и Эйлсбери были посланы люди с заданием выяснить, кто может являться или является наследниками покойною Уилбура Уотли. Посланные обнаружили жителей злополучной местности в большом волнении, как из-за усилившегося грохота, который доносился из-под куполообразных холмов, так и от невыносимой вони, источником которой была пустая скорлупа, обшитая досками, прежде представлявшая собой дом Уотли. Эрл Сойер, который в период отсутствия Уилбура присматривал за лошадью и скотиной, заболел тяжелым нервным расстройством. Официальные власти предпочли не входить в заколоченный досками дом, столь шумный и пугающий, и с радостью ограничились осмотром жилища покойного, то есть – недавно сооруженного сарая, единственным посещением. Они составили длинный запрос в суде Эйлсбери и выяснилось, что все еще продолжается судебный процесс между бесчисленными Уотли, проживающими в верхо-

вьях Мискатоника.

Почти бесконечная рукопись, содержащаяся в огромном гроссбухе и более всего похожая на дневник, о чем свидетельствовали промежутки между записями, использование различных чернил и изменения в почерке, оказалась неразрешимой загадкой для тех, кто нашел ее на стареньком бюро, служившем хозяину письменным столом. После недели безрезультатных дискуссий, ее отослали в университет Мискатоника вместе с коллекцией странных книг покойного, для изучения и расшифровки; но даже лучшие лингвисты вскоре поняли, что решить эту загадку нелегко. Никаких следов старинного золота, которым Уилбур и Старик Уотли расплачивались за скотину и отдавали долги, обнаружено не было.

По-настоящему ужас разразился, когда наступил вечер девятого сентября.

Грохот с холмов был особенно сильным в этот вечер, и собаки неистово лаяли всю ночь. Те, кто рано проснулись наутро десятого сентября, почувствовали странный запах. Около семи часов Лютер Браун, работник с фермы Джорджа Кори, что между Холодным Весенним Ущельем и деревней, в диком испуге прибежал домой, прервав свое обычное утреннее путешествие к Десятиакровому Лугу, куда он гнал скотину. Он едва не бился в припадке от страха, когда ввалился на кухню; во дворе собралось столь же напуганное стадо: било ко-

пытами и жалобно мычало – коровы в панике побежали вслед за мальчиком. Заикаясь и едва переводя дыхание, Лютер рассказал миссис Кори: «Там, на дороге, за ущельем, миссис Кори, – там что-то такое есть! Пахнет, как при грозе, а все кусты и маленькие деревья помяты и отклонились от дороги, как будто там протащили целый дом, Но это еще не все, это не страшное. Там есть следы, на дороге, миссис Кори, – огромные круглые отпечатки, как днище у бочки, они давлены глубоко, как будто от слона, но только их намного больше, чем сделали бы четыре ноги! Я глянул на пару этих отпечатков, прежде чем сбежал оттуда; каждый покрыт такими линиями, которые идут из одной точки, примерно, как у пальмового листа, только раза в три больше. И запах там такой жуткий, примерно, как возле старого дома Колдуна Уотли...»

Тут он остановился и снова задрожал от приступа страха. Миссис Кори начала обзванивать соседей: так началась увертюра паники, возвестившая о главных кошмарах. Когда она дозвонилась до Салли Сойер, экономки Сета Бишопа, ближайшего соседа Уотли, то настал ее черед выслушивать, вместо того чтобы рассказывать: Чонси, мальчик Салли, который плохо спал, прошелся к холмам по направлению к дому Уотли и, лишь мельком взглянув на их усадьбу и на пастбище, где коровы мистера Бишопа были оставлены на ночь, в ужасе побежал назад.

«Да, миссис Кори, – голос Салли дрожал на другом конце провода, – Чонси только что прибежал и не может ничего толком рассказать, так испугался! Он сказал, что дом Старика Уотли весь разломан и доски разбросаны вокруг, как будто его изнутри динамитом взорвали, только пол внизу цел, но он весь заляпан пятнами, как будто дегтем, и пахнут они ужасно и капаят на землю через край, там где доски все разломаны. И еще там какие-то ужасные отметины в саду – большие круглые отметины размером с большую бочку и все пропитаны такой же липкой дрянью, как и во взорванном доме. Чонси говорит, что они ведут туда, к лугам, где большой прокос шире, чем большой амбар, и где повсюду каменные столбы понатыканы, куда ни глянь».

«И он еще сказал, слышите, миссис Кори, он сказал, насчет того, как решил поискать коров Сета, хоть и был напуган до смерти; и он их нашел на верхнем пастбище, поблизости от Двора Танцев Дьявола, и они были в жутком виде. Половина вообще исчезла, как не было, а у остальных как будто почти всю кровь высосали, и такие болячки, как, помните, были у Уотлиевой скотины, с тех пор как родился у Лавинии этот черный ублюдок. Сет пошел взглянуть на коров, хотя, клянусь чем угодно, он вряд ли решится подойти близко к дому Колдуна Уотли! Чонси толком не разглядел, куда ведут эти глубокие круглые отметины, но он сказал, то, скорей всего, они идут к ущелью, где дорога в деревню»

«Я вам еще вот что скажу, миссис Кори, там что-то есть такое, что-то не то... И я думаю, что этот Уилбур Уотли, он заслужил такой плохой конец, потому что все это из-за него. Он вовсе и не человек, я это всегда всем говорила, и я думаю, что они со Стариком Уотли что-то там выращивали в этом своем заколоченном доме, и даже еще хуже, чем он сам. Вокруг Данвича всегда водились призраки – живые призраки – не такие как люди и опасные для людей».

«Земля опять вчера разговаривала, а под утро Чонси слышал, как громко кричали козодои в Холодном Весеннем Ущелье, он глаз сомкнуть не мог. А потом он подумал, что слышит иные, слабые звуки от дома Колдуна Уотли, – как будто дерево трещит или доски отдирают, или как будто ящик деревянный разламывают. Он ночь не спал до восхода, а встав, первым делом пошел к Уотли, чтобы самому посмотреть, и я вам скажу, миссис Кори, что он увидел достаточно! Ничего хорошего тут нет, и я думаю, что тут все должны принять участие и что-то сделать. Я знаю, что происходит что-то ужасное, и чувствую что мне недолго осталось жить, но только один Бог знает все».

«А как ваш Лютер, он заметил, куда ведут эти большие следы? Нет? Ну, что ж, миссис Кори, если они были на дороге с этой стороны ущелья и если они еще не подошли к вашему дому, тогда они, наверное, уходят прямо туда, в ущелье. Так и должно быть. Я всегда го-

ворила, что это Холодное Весеннее Ущелье – нездоровое и дурное место. Козодои и светлячки ведут себя во все не так, как творения божи, а кроме того, там, говорят, вы можете услышать разные странные вещи, снизу, если будете стоять между обрывом и Медвежьей Берлогой».

К полудню три четверти всех мужчин и юношей Данвича двинулись по дорогам и лугам между свежими развалинами дома Уотли и Холодным Весенним Ущельем, в ужасе рассматривая чудовищные гигантские следы, изувеченных коров Бишопа, странные, зловонные обломки фермерского дома, а также помятую, обесцвеченную растительность на полях и обочинах дороги. То, что обрушилось на этот мир, несомненно попало в находившееся здесь огромное злое ущелье: все деревья на краях его были согнуты или сломаны, а в нависающем над обрывом подлеске была продолблена широкая дорога. Можно было подумать, что дом, сметенный обвалом, соскользнул, разрывая густое сплетение деревьев и кустарника, по крутому склону ущелья. Снизу не доносилось ни звука, а только отдаленный, почти неразличимый запах; неудивительно, что собравшиеся мужчины предпочитали стоять на краю обрыва, вместо того чтобы спуститься вниз и напасть на ужасного неведомого Циклопа и его логово. Три собаки, которые находились вместе с людьми, поначалу яростно заливались лаем, однако, приблизив-

шись к ущелью, трусливо замолчали. Кто-то позвонил в «Эйлсбери Транскрипт», однако редактор, привыкший к чудным историям из Данвича, ограничился тем, что состряпал небольшую, в один абзац, юмористическую заметку: ее впоследствии передало агентство «Ассошиэтед Пресс».

Вечером все отправились по домам и забаррикадировали двери своих домов и амбаров. Нечего говорить, что ни одна корова не была оставлена на пастбище. Около двух часов ночи ужасающая вонь и дикий собачий лай разбудил семейство Элмера Фрая, на восточном склоне Холодного Весеннего Ущелья, и все потом единодушно говорили, что неподалеку был слышен приглушенный шелест и плеск. Миссис Фрай предложила позвонить соседям, и Элмер уже готов был с ней согласиться, но тут треск ломающегося дерева прервал их дискуссию. Звук этот доносился, по всей вероятности, из амбара: сразу же за этим послышались ужасные крики и топот скотины. Собаки рабски подползли и прижались к ногам онемевших от страха людей. Фрай механически зажег фонарь, но отдавал себе отчет, что выйти сейчас на темный двор равносильно смерти. Дети и женщины хныкали, воздерживаясь от крика, следуя какому-то загадочному, древнему инстинкту самосохранения. Наконец крики скотины затихли, сменившись жалостливым мычанием, после чего, в свою очередь, стали слышны удары, стук и

треск. Семейство Фраев, прижавшись друг к другу в гостиной, не решалось двигаться, пока последние отзвуки не затихли где-то далеко, по-видимому, в Холодном Весеннем Ущелье. Затем, среди сдавленных стонов из хлева и демонических криков ночных козодоев из ущелья, Селина Фрай бросилась к телефону и рассказала всем, кому смогла, о второй волне данвичского ужаса.

На следующий день всю деревню охватила настоящая паника: перепуганные группки людей направились к месту вчерашних дьявольских событий. Две гигантские полосы разрушений протянулись от ущелья к двору Фраев, чудовищные отпечатки покрывали опустошенные участки почвы, а старый амбар с одной стороны был совершенно разрушен. Что касается стада, то найти удалось только его четвертую часть. Из коров некоторые были растерзаны, а оставшихся в живых пришлось пристрелить. Эрл Соьер предложил обратиться за помощью в Эйлсбери или Эркхам, но остальные утверждали, что от этого не будет никакого проку. Старый Зебалон Уотли, из той ветви Уотли, которая занимала промежуточную стадию между нормальностью и вырождением, выдвинул мрачные предположения относительно обрядов, которые, видимо, совершались на вершинах холмов.

Он происходил из семейства, где были крепки традиции, а потому его воспоминания о песнопениях внутри огромных каменных колец связывались не только

с Уилбуром и его дедушкой.

И вновь тьма пала на пораженную ужасом деревню, слишком пассивную, чтобы организовать реальное сопротивление. В нескольких случаях семейства, связанные близким родством, собирались вместе и сидели в мрачном унынии под одной крышей, однако в большинстве случаев повторилось вчерашнее сооружение баррикад. Однако в эту ночь ничего не произошло, если не считать шума, доносившегося с холмов. Когда наступило утро, многие надеялись, что кошмар прекратится так же неожиданно, как и пришел. Нашлись даже отчаянные головы, предложившие совершить экспедицию в ущелье, в качестве оборонительной меры, однако они не рискнули подать пример колеблющемуся большинству.

Когда пришла очередная ночь, вновь баррикадировались входы в жилища, хотя на этот раз уже меньшее количество семей собирались вместе. Наутро и семейство Фраев, и домочадцы Сета Бишопы сообщили о волнении среди собак, а также о неясных звуках и запахах, различимых издали; между тем вышедшие поутру на разведку добровольцы с ужасом обнаружили свежие отпечатки чудовищных следов на дороге, опоясывающей Сторожевой Холм. Как и перед этим, обе стороны дороги несли на себе следы повреждений, вызванных прохождением гигантской дьявольской массы при этом конфигурация следов говорила о движении

в двух направлениях, как будто движущаяся юра пришла со стороны Холодного Весеннего Ущелья, а затем вернулась обратно. У подножья холма тридцатифутовая полоса смятого кустарника вела вверх, и тут у наблюдателей перехватило дыхание, когда они увидели, что неумолимый след идет даже по наиболее отвесным, почти перпендикулярным земле участкам. Что же это было за кошмарное существо, если оно могло взбираться по практически вертикальной каменной стене; когда же исследователи взобрались по безопасным тропам на вершину, то обнаружили, что там следы кончаются, или, точнее сказать, поворачивают в противоположную сторону.

Здесь было то самое место, на котором Уотли разводили свои костры и пели свои дьявольские песни у камня в форме стола в канун Мая и во время Хеллоуина. Теперь этот камень лежал в центре обширного пространства, истоптанного циклопическим страшилищем, а на его слегка вогнутой поверхности находились густые и зловонные остатки той же липкой смоляной массы, которую обнаружили на полу разрушенного дома Уотли в первый день данвичского кошмара. Очевидно, что страшилище спустилось по той же дороге, по которой сюда поднималось, но пытаться что-либо понять было бесполезным: логика, разум, и нормальные представления о причинности здесь явно не срабатывали.

Ночь четверга началась примерно так же, как и предыдущие, однако закончилась куда менее удачно. Козодои в ущелье кричали с такой необыкновенной настойчивостью, что многие не могли уснуть, а где-то около трех часов ночи все телефоны вдруг зазвонили. Те, кто поднимал трубку, слышали, как обезумевший от страха человек кричал: "Помогите мне, о, Бо-оже!

..." и людям казалось, что грохот падения и треск прерывали разговор. Никто не решился выйти из дому и что-либо предпринять, и до самого утра неизвестно было, откуда раздался ночной звонок. Получившие его поутру звонили по всем номерам подряд и обнаруживали, что только номер Фраев не отвечал. Истина обнаружилась часом позднее, когда спешно собранная группа вооруженных мужчин подошла к дому Фрая в начале ущелья. То, что они увидели, было ужасно, хотя и не явилось неожиданным, Вокруг появились дополнительные проплешины на земле и множество страшных следов, но никакого дома уже не было. Он был смят и раздавлен, как яичная скорлупа, причем среди развалин не было обнаружено никого, ни живых, ни мертвых. Только вонь и липкая смола. Семейство Элмера Фрая исчезло из Данвича бесследно.

Глава 8

Между тем, более тихая, хотя, в духовном смысле, куда более резкая фаза кошмара мрачно разворачивалась за закрытой дверью уставленной книжными полками комнаты в Эрхаме. Загадочная рукопись или дневник Уилбура Уотли, присланная в университет Мискатоник для расшифровки, породила сильное беспокойство и затруднение среди специалистов по древним современным языкам; даже использованный в ней алфавит, хотя и не лишенный сходства с давно умершим, использовавшимся в Месопотамии, был абсолютно неизвестен самым крупным специалистам. Окончательное заключение экспертов оценивало текст, как зашифрованную запись, составленную с использованием искусственного алфавита, и ни один из методов криптографии не дал никакого ключа к пониманию. Старинные книги из дома Уотли хотя и были исключительно интересными и в ряде случаев давали возможность открыть новые перспективные направления научных исследований, тем не менее ничем не могли помочь расшифровке текста рукописи. Одна из них, объемистый том с железной застежкой, также была написана с использованием неизвестного алфавита – совсем другой природы, и больше, чем что-либо другое,

напоминавшего санскрит. Старый гроссбух был в конце концов передан доктору Эрмитэйджу, как из-за его особого интереса к семейству Уотли, так и в силу его обширных лингвистических познаний и знакомства с мистическими заклинаниями античных времен и средневековья.

Эрмитэйджу пришла в голову мысль о том, что алфавит может представлять собой средство, тайно использовавшееся определенными запрещенными культурами, которые дошли о нас из глубокой древности и унаследовали многие формы и традиции от колдунов и волшебников Сарацинии. Однако не этот вопрос он считал наиболее важным, ибо не столь существенно было, по его мнению, знать источник или происхождение символов, которые явно использовались для зашифровки текста. Его убеждение состояло в том, что, принимая во внимание гигантский объем текста, пишущий вряд ли стал бы пользоваться иным языком, помимо родного, если не считать отдельных особых формул и заклинаний. Исходя из этого, он подошел к рукописи, предполагая, что основой ее является английский язык.

Доктор Эрмитэйдж по многократным неудачным попыткам своих коллег понял, что загадка является сложной и глубоко упрятанной и что даже не стоит пытаться найти простое решение. Всю оставшуюся часть августа он посвятил изучению огромному количеству

материалов по криптографии: изучил все источники в своей библиотеке, проводил бессонные ночи над тайнами «Полиграфии» Тритемиуса, «Таинственными буквенными записями» Джамбаттиста Порты, «Особенностями шифров» Де Вигенера, «Криптографическими исследованиями» Фальконера, изучил книги восемнадцатого века, например – исследования Дэвиса и Фикнесса, а также самые современные работы таких крупнейших специалистов, как Блэр, фон Мартен и Ключбер. В конце концов он пришел к выводу, что имеет дело с одной из тех наиболее утонченных и изощренных криптограмм, в которых множество отдельных листов соотносимых букв расположены как таблица умножения, и текст составлен при помощи ключевых слов, известных лишь самому автору. Исследователи прошлого дали ему гораздо больше, чем современные ученые, и Эрмитэйдж решил, что ключ к рукописи имеет глубоко древнее происхождение, и без сомнения, прошел долгую цепь мистических преобразований. Несколько раз казалось ему, что перед ним забрезжил дневной свет истины, однако всякий раз какое-то непредвиденное препятствие отбрасывало его назад. Но вот наступил сентябрь, и тучи стали рассеиваться. Определенные буквы, находившиеся в определенных местах рукописи, выявились со всей очевидностью: стало ясно, что исходным текстом действительно был текст на английском.

Вечером второго сентября усилия ею позволили сломать последний барьер, и доктор Эрмитэйдж в первый раз смог прочесть связный фрагмент записей Уилбура Уотли. Как и предполагали вначале, это был дневник: текст отражал как высокую оккультную эрудицию, так и общую безграмотность странного существа, его автора. Одна из первых записей, прочитанных Эрмитэйджем, относилась к 26 ноября 1916 года, она оказалась поразительной и пугающей.

Это писал, вспомнил ученый, мальчик трех с половиной лет, который внешне выглядел на двенадцать-тринадцать:

"Сегодня учил Акло для Сабаота, оно мне не понравилось, на него отвечают с холма, а не из воздуха. Тот, что наверху, обогнал меня сильнее, чем я думал, похоже, что у него немного земных мозгов. Выстрелил в собаку Элама Хатчинса, колли по кличке Джек, когда он попытался меня укусить, а Элам сказал, что убьет меня, если тот умрет, Я не думаю, что так будет.

Дедушка заставлял меня повторять заклинание Дхо вчера вечером, и я, кажется, видел внутренний город у двух магнитных полюсов. Я отправляюсь к этим полюсам, когда земля будет очищена, если я не смогу пробиться при помощи заклинания Дхо – Нха, когда я совершу это. Те, что из воздуха, говорили мне в Субботу, что пройдут годы, прежде чем я смогу очистить землю, и к тому времени, наверное, дедушка уже умрет, так

что я должен выучить все углы граней и все заклина-
ния от Ир до Нххнгр. Те, что снаружи, помогут, но они
не могут войти в тело без человеческой крови. Тот, что
наверху, он, похоже, будет точным образцом. Я могу
увидеть, если сотворю знак Вууриш или посыплю по-
рошком Ибн Гази на это, и оно похоже на тех, кто бы-
вает в канун Мая на Холме. Интересно, как я буду вы-
глядеть, когда земля будет очищена и когда на ней не
останется земных существ. Тот, кто пришел после Акло
Сабаот, сказал, что я, может быть, преобразованный
оттуда, чтобы повлиять".

Утро застало доктора Эрмитэйджа в холодном поту
от ужаса и неистовстве сосредоточенности. Он не от-
рывался от рукописи всю ночь, сидел при свете элек-
трической лампы, переворачивая страницу за страни-
цей дрожащими руками, стараясь как можно быстрее
расшифровать текст. Он взволнованно позвонил до-
мой, своей жене, сказал, что не придет, а когда она при-
несла ему завтрак, то едва смог проглотить кусочек.
Весь день он читал, время от времени останавлива-
ясь, когда требовалось заново применить ключ. Ланч
и обед ему приносили, но ел он очень мало. К середи-
не следующей ночи он задремал в кресле, но вскоре
проснулся, увидев во сне целый клубок кошмаров, по-
чти таких же пугающих, как те истинные угрозы суще-
ствованию человека на земле, о которых он только что
узнал.

Утром четвертого сентября профессор Райс и доктор Морган настояли на разговоре с ним, после которого они вышли дрожащие и пепельно-серые. Вечером он лег спать, но спал беспокойно. На следующий день, в среду, он вернулся к рукописи и принялся делать обширные выписки из уже прочитанного и нового материала. Этой ночью он спал совсем немного, в кресле, не выходя из своего кабинета, но еще до рассвета вновь вернулся к рукописи. Перед полуднем его врач, доктор Хартвелл, навестил его и настоял на прекращении этой изнуряющей работы. Эрмитэйдж отказался, заявив, что для него жизненно важно дочитать рукопись и найти объяснение прочитанному. Этим вечером, едва опустились сумерки, он наконец завершил свое ужасное чтение и в полном бессилии откинулся в кресле. Его жена, которая принесла обед, нашла его в полукоматозном состоянии, но он был способен резким окриком остановить ее, когда она взглянула на записи, сделанные его рукой. С трудом поднявшись, он собрал исписанные листы и запечатал их в большой конверт, который положил во внутренний карман пальто. Ему хватило сил, чтобы дойти до дома, но он явно нуждался в медицинской помощи, так что немедленно был вызван доктор Хартвелл. Когда доктор укладывал Эрмитэйджа постель, тот без конца повторял про себя: «Но что же мы можем сделать, Боже милосердный?»

Доктор Эрмитэйдж выспался, но на следующий день

как будто бредил. Он ничего не объяснил доктору Хартвеллу, однако, когда успокаивался, то настаивал на серьезном и долгом разговоре с Райсом и Морганом. Его бред был очень причудливым, например, он неистово требовал уничтожить что-то такое, что находится в заколоченном фермерском доме; ссылался на какой-то фантастический план, предусматривающий уничтожение всей человеческой расы, всей животной и растительной жизни на земле какой-то ужасной древней расой существ из иного измерения. Он кричал, что мир в опасности, поскольку Древние Существа хотят полностью стереть его и отбросить из солнечной системы и космического пространства в какую-то другую грань или фазу вечности, откуда он однажды выпал, миллиарды эпох тому назад. Порой он просил, чтобы ему принесли чудовищный «Некрономикон» или «Демонолатрию»

Ремигиуса, в которых он надеялся найти заклинания, способные остановить нависающую опасность.

«Остановить их! Остановить их! – продолжал он выкрикивать. – Эти Уотли хотел впустить их, а самый опасный еще остался! Скажите Райсу и Моргану, что мы должны что-то делать – действовать придется вслепую, но я знаю, как изготовить порошок... Его не кормили со второго августа, когда Уилбур приехал сюда и нашел здесь смерть, а с такой скоростью...»

Однако Эрмитэйдж, к счастью, обладал очень креп-

ким для своих семидесяти трех лет здоровьем, так что за ночь, во время сна, его организм справился с надвигавшейся горячкой. Он проснулся утром в пятницу с ясной головой, но встревоженный гложущим его страхом и осознание огромной ответственности. В субботу он уже чувствовал себя достаточно хорошо, чтобы пойти в библиотеку, и вызвал к себе Райса и Моргана на совещание, так что всю оставшуюся часть дня и вечер трое ученых напрягали свои умственные способности в сложнейших размышлениях и яростных дискуссиях. Странные, загадочные и ужасные книги в огромных количествах были принесены с полок, из хранилищ и фондов; диаграммы, формулы и заклинания копировались с лихорадочной быстротой и в пугающем изобилии. Скептицизма больше не осталось. Все трое видели тело Уилбура Уотли, лежавшее на полу в комнате этого самого здания, и после этого ни один из них не рискнул бы относиться к дневнику, как к запискам сумасшедшего.

Мнения о том, нужно ли ставить в известность полицию штата Массачусетс разделились, причем негативное мнение в конце концов возоблагодало. Тут речь шла о таких вещах, в которые просто не поверил бы непосвященный, что, кстати, вполне подтвердили дальнейшие события. Поздно ночью обсуждение прекратилось, хотя определенного плана выработать пока не удалось. Все воскресенье Эрмитэйдж был погло-

щен сопоставлением различных заклинаний и смешиванием различных химикатов из университетской лаборатории. Чем больше он углублялся в дьявольский дневник, тем больше он склонен был сомневаться в возможности уничтожить то существо, которое оставил после себя Уилбур Уотли, каким-либо химическим агентом – это угрожающее планете существо, неизвестное ученому, готово было через несколько часов взбунтоваться и стать памятным данвичским ужасом.

Понедельник повторил воскресенье, и доктор Эрмитэйдж продолжал свои исследования и бесконечные опыты. Дальнейшее изучение чудовищного дневника привело к появлению различных вариантов плана и их изменениям, причем доктор знал, что добиться полной определенности ему не удастся. Ко вторнику основные контуры действия были намечены, и он принял решение о необходимости съездить в Данвич на этой неделе. Затем, в среду ему пришлось испытать шок.

В углу страницы «Эркхам Эдвертайзер» была помещена шутивная заметка, сообщавшая о том, какое чудовище удалось вырастить в Данвиче при использовании бутлеггерского виски. Эрмитэйдж в неопишемом страхе позвонил Райсу и Моргану. Их дискуссия затянулась далеко за полночь, а на следующий день они были заняты лихорадочными сборами в дорогу, Эрмитэйдж отдавал себе отчет, что вмешивается в сферу действия чудовищных сил, и вместе с тем понимал, что

теперь нет другой возможности предотвратить пагубные последствия того зловещего вмешательства, которое было осуществлено ранее.

Глава 9

Утром в пятницу Эрмитэйдж, Морган и Райс отправились на автомобиле в Данвич и прибыли в деревню к часу пополудни. Погода была прекрасна я, но даже яркие лучи солнца не позволяли избавиться от скрытого ужаса и дурных предзнаменований, которые, казалось, поджидают в необычных куполообразных холмах и глубоких затененных ущельях этой зловещей местности. Время от времени перед глазами возникали мрачные круги из камней на вершинах. По атмосфере гнетущею молчания у лавки Осборна они догадались, что случилось что-то ужасное, и вскоре узнали об уничтожении семьи и дома Элмера Фрая. В течение дня они объехали Данвич, опрашивали местных жителей по поводу случившегося и сами осмотрели развалины дома Фрая с длинными следами липкой смолы, дьявольские отпечатки во дворе, изувеченную скотину Сета Бишопа и гигантские участки разворошенной растительности в разных местах. След, идущий вверх и вниз по Сторожевому Холму, представился Эрмитэйджу знаком какого-то вселенского катаклизма, и он долго смотрел на расположенный на вершине зловещий камень.

Наконец ученые, узнав о приезде сегодняшним

утром представителей полиции штата Эйлсбери, получивших телефонное сообщение о трагедии семьи Фрая, решили найти их и сравнить результаты наблюдений. Однако нигде нельзя было обнаружить следов прибывших полицейских. Говорили, что в машине их было пятеро, но сейчас машина стояла пустой возле развалин дома Фрая. Местные жители были этим озадачены не меньше, чем Эрмитэйдж и его коллеги, тем более, что полицейские утром беседовали со всеми очевидцами. Тут старый Сэм Хатчинс, подталкивая Фреда Фарра и указывая на глубокую сырую впадину, побледнел.

«Господи, – сказал он, задыхаясь, – я предупреждал, чтобы они не опускались в ущелье, да мне и в голову не могло прийти, что кто-нибудь туда полезет, там ведь и эти следы, и эта вонь и козодои кричат там в темноте...»

Холодная дрожь охватила и гостей и местных обитателей, и каждое ухо напряглось, бессознательно, инстинктивно прислушиваясь. Эрмитэйдж, впервые реально столкнувшись с этим кошмаром и его чудовищными деяниями, ощутил сильнейшее волнение от чувства собственной ответственности. Скоро наступит ночь и именно тогда горное чудовище выйдет своей жуткой дорогой. «*Negotium parabolus in tenebris...*» [Прим. В бедствии действуй смело (лат.)] Старый библиотекарь повторил заклинание, которое он выучил,

и жжал в руке бумажку, на которой было написано дополнительное заклинание, то, которое он выучить не успел. Он проверил свой электрический фонарик, а стоящий рядом с ним Райс достал из саквояжа металлический распылитель, наподобие тех, которые используют для борьбы с насекомыми; Морган же вынул из чехла крупнокалиберную винтовку, на которую надеялся, несмотря на предупреждение коллег о том, что материальное оружие здесь не поможет.

Эрмитэйдж, прочитавший страшный дневник, слишком хорошо представлял, чего можно ожидать, однако он ни словом, ни намеком не дал знать об этом жителям Данвича, чтобы не увеличивать их испуг. Когда сгустились сумерки, люди разбрелись по своим домам и вновь принялись озабоченно запираяться изнутри, несмотря на явные доказательства бесполезности людских замков и укрепленных дверей перед лицом силы, способной гнуть деревья и сокрушать дома по своей прихоти. Они скептически покачали головами, узнав о намерении визитеров стоять дозором у развалин дома Фрая, и, расходясь по домам, данвичцы не рассчитывали когда-либо увидеть отважных исследователей.

Этой ночью под холмами вновь раздался грохот, и снова слышалось угрожающее пение козодоев. Время от времени из ущелья вырывался ветер, принося с собой неопишуемое зловоние, мгновенно наполнявшее тяжелый ночной воздух, то самое зловоние, которое

все трое ощущали и ранее, когда стояли над умирающей тварью, прожившей пятнадцать с половиной лет в человеческом обличье. Однако ожидавшийся кошмар так и не наступил. Что бы там ни скрывалось на дне ущелья, оно явно выжидало, и Эрмитэйдж сказал коллегам, что нападать на него в темноте было бы равносильно самоубийству.

Робко наступило утро, и ночные звуки прекратились. Был серый, пасмурный день, время от времени накрапывал дождик; на северо-западе над холмами собирались густые тяжелые облака. Прибывшие из Эркхама ученые находились в нерешительности. Укрывшись от усилившегося дождя в одном из немногих сохранившихся хозяйственных сооружений на дворе Фрая, они обсуждали свои дальнейшие действия: выждать или нападать. Последнее требовало от них спуска в ущелье. Пелена дождя становилась все гуще, а откуда-то из-за горизонта доносились раскаты грома, и вот совсем рядом блеснула раздвоенная молния, ударив как будто в самый центр проклятого ущелья. Небо сразу потемнело, поколебав надежды ученых на то, что гроза будет короткой и сменится ясной погодой.

Было все еще темно, когда, не более чем через час, с дороги донесся разноголосый шум. Через мгновение показалась группа людей, не меньше дюжины, которые бежали с криками и даже истерическим плачем. Кто-то из бежавших впереди начал выкрикивать от-

дельные слова, и прибывшие из Эркхама бросились вперед, как только поняли смысл этих слов.

«О, Боже мой, Боже, – задыхался кричавший, – Оно снова идет, и на этот раз днем! Оно вышло оттуда – вышло и движется, вот прямо сейчас, в эту самую минуту, и одному Богу известно, когда оно нападет на всех нас!»

Рассказчик здесь сбился с дыхания, но его сменил другой.

«Примерно с час назад Зеб Уотли услышал телефонный звонок, и это была миссис Кори, жена Джорджа. Она сказала, что ее работник Лютер, который отгонял скотину, после удара большой молнии увидел, как согнулись деревья с другой стороны ущелья – напротив этого места – и почувствовал тот же ужасный запах, что он ощутил и в прошлый понедельник. И ему послышался шелестящий звук, как будто что-то плещется, и звук был сильнее, чем бывает, когда деревья качаются от ветра, и тут вдруг деревья вдоль дороги все наклонились на одну сторону и был слышен топот и шлепанье по грязи. Но при этом Лютер божится, что ничего видно не было, только все деревья отодвинулись и кусты тоже. А затем далеко впереди, где ручей Бишопа течет, он услышал страшный треск на мосту, как будто дерево разламывается, И все равно ничего не было видно, только как деревья гнутся, А после шелест уже слышался совсем издалека – на дороге, что

ведет к дому Колдуна Уотли на Сторожевом Холме – у Лютера хватило духу добежать туда, откуда раздавались звуки, и посмотреть на землю. Там кругом была грязь и вода, на небе была темень непроглядная, и дождь смывал все подряд; и все равно у края ущелья, где были сдвинуты деревья, он опять увидел эти страшные следы, размером с дно бочки, такие же, какие видел в тот понедельник».

Тут вновь взял слово первый рассказчик.

"Но это не самое страшное – это только начало. Зебу позвонили из дома Сета Бишопа. Это Салли, его хозяйка, кричала как резаная – она только что увидела, как деревья у дороги согнулись и был такой звук, как будто слон топает и дышит, и идет к ее дому. Потом она еще сказала, там был тоже этот ужасный запах и ее сынок Чонси завопил, что это такой же запах, как и тот, что он почуял возле развалин дома Уотли в понедельник утром. И собаки все время лаяли и выли тоже.

И вот тут она заорала так ужасно, и говорит, что кусты у дороги смялись, как будто ураган пролетел, только ветер не может так сильно повалить. Вдруг Салли опять закричала и сказала, что только что забор повалился, хотя совершенно не было видно того, кто это сделал. Потом в трубке было слышно, что Чонси и старый Сет Бишоп тоже закричали, а Салли сказала, что в дом ударило что-то тяжелое – не молния или еще чего-нибудь, в переднюю стену, и продолжало лупить

туда, хотя через окна ничего не было видно. И потом... потом..."

"И тогда... Салли, она крикнула: «О, помогите кто-нибудь, дом рушится... и через трубку был слышен страшный треск, и все они кричали... примерно так же, как и тогда, когда оно напало на дом Элмера Фрая, только еще хуже...»

Говорящий умолк и слово взял еще кто-то из толпы.
«Вот и все – дальше ни звука, ни слова. Мы сели в машины и собрались, все здоровые крепкие мужики, кого смогли позвать, возле дома Кори и пришли сюда к вам, чтобы спросить, что нам нужно делать. Неужели это божья кара за то, что мы не такие, как все, а ведь божьей кары ни одному смертному не избежать».

Эрмитэйдж понял, что пришло время действовать, и твердо сказал, обращаясь к группе неуверенных, перепуганных деревенских жителей.

"Мы должны начать преследование, ребята, – он старался говорить как можно увереннее. – Я убежден, что у нас есть возможность уничтожить это существо. Вы, ребята, должно быть, знаете, что эти Уотли были колдунами – и вот эта тварь, она произошла от колдовства, а значит, справиться с ней можно только теми же самыми средствами. Я читал дневник Уилбура Уотли и некоторые из старинных книг, которые он изучал; и теперь я, кажется, знаю нужное заклинание, которое позволит прогнать это существо. Разумеется, полностью

уверенным я быть не могу, но надо действовать. Оно невидимо – я так и думал – но в этом распылителе находится порошок, который может на секунду показать его нам. Позднее мы обязательно попробуем это сделать. Эта тварь очень страшная, слишком страшная, чтобы сохранить ей жизнь, однако она не столь ужасна, чем то, во что превратился бы Уилбур, проживи он хоть немного дольше, Вы просто не представляете себе, чего избежал наш мир. Теперь нам осталось справиться только с этим существом, а оно не может размножаться, хотя способно принести мною вреда; так что мы должны без всяких колебаний его уничтожить. Мы должны настичь его – и первое, с чего следует начать – это направиться к тому месту, которое только что подверглось нападению.

Пусть кто-то из вас нас проводит – я плохо знаю ваши дороги, но предполагаю, что должен быть какой-нибудь короткий путь. Что вы об этом думаете?"

Мужчины немного посоветовались, а затем Эрл Соьер, указывая грязным пальцем сквозь слегка поредевшую пелену дождя, сказал: «Вы можете быстрее всего добраться до участка Сета Бишопа, если пересечение здесь нижний луг, перейдете в мелком месте через ручей, а потом взберетесь вверх по покосу Кэррьера и сквозь маленький лесок на ту сторону. Так вы как раз и выйдете на верхнюю дорогу совсем рядом от Сета Бишопа – чуть-чуть с другой стороны».

Эрмитэйдж, Райс и Морган отправились в указанном направлении; большинство из местных последовало за ними. Небо постепенно светлело, и появились признаки того, что гроза сошла на нет. Когда Эрмитэйдж по ошибке пошел не в том направлении, Джо Осборн окликнул его, и затем вышел вперед, чтобы указывать дорогу. Уверенность и храбрость людей постепенно возрастали, хотя неясные очертания поросших лесом вершин, лежащих в конце их короткого пути, среди фантастических древних деревьев, служили для этих качеств весьма серьезным испытанием.

К моменту, когда они выбрались на грязную раскисшую дорогу, из-за туч вышло солнце. Они были совсем недалеко от усадьбы Сета Бишопа, но согнутые деревья и ужасные, уже легко узнаваемые следы ясно показывали, что здесь произошло: вновь повторился инцидент, ранее случившийся с семейством Фраев, и ни одного живого существа, как и ни одного погибшего не было обнаружено среди обломков того, что еще совсем недавно было домом Бишопа. Никому не хотелось оставаться здесь, посреди зловония и липкой смоляной дряни, и все инстинктивно повернулись к линии, оставленной устрашающими отпечатками, которая вела к развороченному фермерскому дому Уотли и далее к увенчанным алтарем склонам Сторожевого Холма.

Когда они проходили мимо обиталища Уилбура Уот-

ли, многих охватила заметная дрожь и тут снова их решимость была поколеблена: сравнить с землей такой огромный дом было делом нешуточным, для этого нужна была зловещая дьявольская сила. Напротив подножия Сторожевого Холма следы покидали дорогу, и отпечатки шли вдоль широкой проплешины, обозначавший прежний путь монстра на вершину и обратно.

Эрмитэйдж вынул карманную подзорную трубу большой силы увеличения и осмотрел в нее крутой зеленый склон холма. Затем он подал трубу Моргану, который отличался более острым зрением. Спустя мгновение Морган громко вскрикнул, передавая инструмент Эрлу Сойеру и одновременно указывая пальцем в определенное место на склоне холма. Сойер, неуклюже, как большинство новичков, не сталкивавшихся раньше с оптическими приборами, некоторое время бессмысленно крутил колесо настройки, но затем, с помощью Эрмитэйджа, правильно навел трубу и становил резкость. Когда это было сделано, он издал крик, значительно менее сдержанный, чем у доктора Моргана.

«Боже все милостивый, – трава и кусты шевелятся! Оно поднимается кверху – медленно – ползет вверх по склону – прямо сейчас ползет на вершину – одному Небу известно, зачем!»

Паника быстро распространилась среди присутствующих. Одно дело – искать безымянное чудовище, и со-

всем другое – найти его. Заклинания, может быть, и сработают – а вдруг нет? Все начали засыпать профессора Эрмитэйджа вопросами об этой твари, и, похоже, ни один из его ответов не мог удовлетворить местных жителей. Каждый ощутил близость к таким проявлениям Природы, которые полностью лежат за пределами нормального опыта человечества.

Глава 10

В конце концов трое из Эркхама – старый, белобородый доктор Эрмитэйдж, коренастый, со стальными седыми волосами профессор Райс и худой, моложавый доктор Морган, пошли на гору одни. После длительных терпеливых инструкций относительно того, как настраивать и пользоваться трубой, они оставили прибор перепуганным мужчинам Данвича, и, пока ученые совершали свое восхождение, местные жители наблюдали за ними. Подъем оказался тяжелым, и Эрмитэйдж не раз нуждался в помощи.

Высоко над головам поднимавшейся группы колебалась гигантская просека, – прокладывающее ее адское создание двигалось вверх с неумолимой настойчивостью гигантской змеи. Через некоторое время стало ясно, что преследователи настигают добычу.

Куртис Уотли – из прежних, невыродившихся Уотли – держал трубу, когда группа из Эркхама сделала крюк, уходя от просеки. Куртис сообщил собравшимся, что «эти люди» явно собираются забраться на вершину, которая возвышается над просекой в том месте, где кусты пока еще не смяты. Так оно и случилось, в результате идущим удалось сократить разрыв между собой и преследуемой тварью.

Затем Весли Кори, взявший трубу, закричал, что Эрмитэйдж направляет распылитель, который держит в руке Райс, и что сейчас, наверное, что-то произойдет. Толпа беспокойно зашевелилась, потому что люди слышали, что этот распылитель должен сделать невидимое чудовище на мгновение видимым. Двое или трое мужчин закрыли глаза руками, но Куртис Уотли выхватил трубу и напряженно прильнул к окуляру. Он увидел, что у Райса, находящуюся со своими коллегами в очень удобной точке, были хорошие шансы прицельно распылить волшебный порошок.

Те, кто наблюдал за происходящим невооруженным глазом, видели только мгновенную вспышку серого облака – размером с довольно большое здание – вблизи от вершины холма. Куртис, державший в руках инструмент, выронил его с диким воплем прямо в доходившую до лодыжек дорожную грязь. Он зашатался и упал бы на землю, не подхвати его вовремя двое или трое стоявших рядом мужчин. Все, что он мог сделать, это только почти беззвучно застонать.

«О, о Боже милосердный... там... там...»

Град вопросов обрушился на него, и один только Генри Уилер догадался поднять упавшую трубу и стереть с нее грязь. Куртис, казалось, потерял всякую связность речи, и даже односложные ответы давались ему с большим трудом.

"Больше, чем амбар... из извивающихся канатов..."

все оно похоже на куриное яйцо, только такое, что больше и не представить... с дюжиной ног, похожих на бочки, и они наполовину закрываются, когда оно ступает.... ничего в нем нет твердого... все, как студень, как будто все сделано из отдельных извивающихся канатов, которые собрали и прижали друг к другу... над этим большие выпученные глаза... десять или двадцать ртов или хоботов, которые торчат у него со всех сторон, большие, как труба дымохода, и они все время вскидываются, открываются и закрываются... все серые, с такими голубыми или багровыми кольцами... и о Бо-о-же праведный на Небесах – там пол-лица на верхушке!

Это последнее впечатление, видим, оказалось слишком сильным для бедняги Куртиса, и он потерял сознание, прежде чем смог вымолвить еще хоть слово.

Фред Фарр и Уилл Хатчинс отнесли его на обочину дороги и положили на сырую траву. Генри Уилер, дрожа всем телом, посмотрел через спасенную трубу на гору. Сквозь линзы можно было различить три фигурки, которые, очевидно, бежали по направлению к вершине так быстро, как только могли и как позволял уклон холма. Только это – больше ничего не было видно. Затем все услышали странный шум в долине и у подножия Сторожевого Холма. Это было пение бесчисленных козодоев, и в их пронзительном хоре были различимы нотки тревоги и зловещего ожидания.

Теперь труба попала в руки Эрла Сойера, который сообщил собравшимся, что три фигурки теперь стоят на гребне холма, на одном уровне с камнем в форме алтаря, но при этом в достаточном отдалении от него. Одна из фигурок, доложил он, ритмично поднимает над головой руки, и как только Сойер об этом сказал, все различили едва слышный звук, такой, как будто жесты сопровождались громким пением. «Наверное, это он произносит заклинание», – прошептал Уилер, хватая трубу. Козодои теперь пели совершенно неистово, причем в причудливом, нерегулярном ритме.

Внезапно свет солнца как бы померк. Это было очень странным, и все сразу же обратили на это внимание. Грохот донесся из-под холмов, причудливым образом перемешиваясь с гармоничными раскатами, которые, очевидно, шли сверху. Сверкнула молния, и пораженные люди стали безуспешно искать признаки приближающейся грозы. Пение трех смельчаков из Эркхама теперь стало ясно различимым, и Уилер увидел, что они уже все вместе размахивают руками, ритмично сопровождая заклинания этими движениями. Из какого-то фермерского дома вдали донесся яростный собачий лай.

Теперь дневной свет изменился настолько, что собравшиеся люди в изумлении уставились на горизонт. Багровая тьма, породить которую могло только спектральное смещение небесной голубизны, давила свер-

ху на грохочущие холмы. Вновь сверкнула молния, на этот раз она была ярче, чем раньше, и всем показалось, что вокруг каменного алтаря, там, на вершине, появилась какая-то туманность. Ни один из них, однако, не ахал смотреть в этот момент в трубу: люди из Данвича вдруг ощутили свое соприкосновение с неумолимой угрозой, которой был заряжен воздух.

И тут раздались те глубокие, надтреснутые, грубые звуки, которые потом не мог забыть ни один из присутствовавших. Они были рождены не в человеческом горле, ибо человеческие органы не в состоянии породить такое акустическое извращение. Скорее можно было подумать, что они рождены были в самом ущелье, не будь их совершенно очевидным источником камень в форме алтаря. Было бы ошибкой называть их звуками – столь многое их страшный, супернизкий басовый тембр говорил напрямую смутному вместилищу подсознания и ужаса, куда более чувствительному, чем ухо, но все-таки, по форме, это были бесспорно туманные полуартикулированные слова. Они были очень громкими – громкими, как грохот снизу и раскаты грома сверху, которым они вторили – и тем не менее они исходили от невидимого существа.

«Игнаих». игнаих... тхфлтхкх'нгха... Йог-Сохот...»
– гудел ужасающий голос из космоса. «Й'бтхнк». хь'ехье – н'гркдл'лх...»

Тут звучание приостановилось, и Генри Уилер при-

пал к трубе, но увидел только три силуэта на вершине: фигурки яростно размахивали руками, делая странные жесты, по мере того как пение достигло своей кульминации. Из каких бездонных колодцев архаической ужаса, из каких неизмеримых пучин внекосмического сознания или тайной, долго скрывавшейся наследственности, происходили эти неотчетливые громовые каркающие звуки? Теперь они стали более отчетливыми в своем неистовстве.

«Эх-я-я-я-яхьяах – э'яяяааа... нгх'аааа... нгх'ааа... х'ююх... х'ююх». ПОМОГИТЕ! ПОМОГИТЕ!... па-папа – ПАПА! ПАПА! ЙОГ-СОХОТ!..."

На этом все кончилось, Мертвенно-бледные люди на дороге все еще вслушивались в эти несомненно произнесенные по-английски слова, которые густо и громоподобно опускались из сводящей с ума пустоты над ужасным алтарем, но больше им никогда не суждено было их услышать. Вместо их раздался грохот взрыва, который, казалось, расколол юры; оглушающий, апокалиптический звон, источником которого могла быть и земля, и небо.

Единичный штык молнии ударил из багрового зенита в цент каменного алтаря, и гигантская невидимая волна невероятной силы и с неопишуемым зловонием помчалась с вершины холма во все стороны; деревья, трава и кусты яростно заколыхались, а испуганные люди у подножия холма, едва не задохнувшись от смер-

тельного смрада, с трудом удержались на ногах. Вдали завывали собаки; зеленая трава и листва деревьев на глазах увяли, приняв странный, серо-желтый оттенок, а по полям и лесам разметало бесчисленные тела мертвых козодоев.

Зловоние быстро рассеялось, однако растительность уже не восстановилась. И по сей день вокруг эту страшного холма растет что-то странное, несущее на себе отпечаток греха. Куртис Уотли пришел в сознание лишь после того, как с холма сошли трое из Эркхама, сошли медленно, освещенные солнцем, которое вновь стало ярким и чистым. Они были молчаливы и исполнены скорби, как будто испытали потрясение от воспоминаний и впечатлений даже более сильных, чем те, которые превратили группу местных жителей в кучку дрожащих трусов. В ответ на град вопросов они только покачали головами и подтвердили самое главное.

«Эта тварь исчезла навсегда, – сказал Эрмитэйдж, – она расщеплена на элементы, из которых была сотворена изначально, и больше не будет существовать. В нормальном мире это существо вообще невозможно. Лишь самая малейшая частица его была материей в том смысле, как мы это понимаем. Оно было похоже на своего отца – и большая его часть вернулась к нему в какую-то туманную область или измерение, лежащее вне нашей материальной Вселенной, в некую бездон-

ную пучину, из которой его на миг смогли вызвать на холмы наиболее разнузданные ритуалы человеческого богохульства и ереси».

Наступила краткая пауза, и в это мгновение рассеянные ощущения бедного Куртиса Уотли начали постепенно собираться воедино: он поднял руки к голове и издал протяжный стон. Память его, казалось, возвратилась к тому моменту, когда сознание покинуло беднягу, и увиденный в трубу кошмар вновь обрушился на него.

"О, о мой Бог, эта половина лица – эта половина лица на самом верху... это лицо с красными глазами и белесыми курчавыми волосами, и без подбородка, как Уотли... Это был осьминог, головоногое, паук – или все вместе, но у них было почти человеческое лицо, там, вверху, и оно было лицом Колдуна Уотли, только... только размерами оно было в целые ярды, целые ярды.

Он остановился в изнеможении, а вся группа местных жителей уставилась на него; их изумление пока еще не превратилось в новый приступ ужаса. Только старый Зебулон Уотли, который старался припомнить далекое прошлое, но до сих пор не проронил ни слова, наконец заговорил:

«Пятнадцать лет минуло, – бессвязно бормотал он, – я сам слышал, как Старик Уотли сказал, что наступит день и мы услышим, как дитя Лавинии прокричит

имя своего отца с вершины Сторожевого Холма...»

Но тут Джо Осборн перебил его, обратившись с вопросом к людям из Эркхама.

«Что же это было все-таки, и как молодой Колдун Уотли вызвал это из воздуха?»

Тщательно подбирая слова, Эрмитэйдж попытался объяснить.

"Это было – ну что ж, это представляет собой силу, которая не принадлежит нашей части космоса, силу, которая действует, развивается, растет и принимает очертания согласно иным законам, чем те, что господствуют в нашей Природе. Людям нет необходимости вызывать подобных существ с той стороны; лишь только исключительно безнравственные люди или наиболее дьявольские секты пытались совершить подобное. Часть этой силы была и в самом Уилбуре Уотли – вполне достаточная, чтобы превратить его в дьявола и в быстро созревающее чудовище, так что его смерть стала ужасающим зрелищем.

Я намерен предать огню его отвратительный дневник, а вы поступили мудро, взорвав этот каменный алтарь и разрушив все эти каменные кольца на вершинах холмов. Подобные сооружения служат для вызова существ, подобных тем, кого столь любили Уотли – тварей, которых они собирались впустить сюда, чтобы они материализовались и уничтожили, смели с этой планеты весь человеческий род, а саму Землю унести

в неизвестное место ради некоей неизвестной цели.

Что же касается той твари, которую мы только что отослали обратно – семейство Уотли растило ее для выполнения страшнейшей роли в том, что должно было произойти. Существо это росло быстро и стало столь гигантским по той же причине, что и Уилбур – но оно обогнало Уилбура в размерах и темпах роста – потому что в нем было больше потустороннего. Нет смысла спрашивать, как Уилбур вызвал его из воздуха. Он не вызывал это существо. Это был его брат-близнец, но он больше, чем Уилбур, походил на отца"